

Итак, как видим, А. де-Витт, пытаясь доказать «антиисторичность» повести о посаднике Щиле, прибегает к малоубедительным приемам доказательства.

Что касается ее собственной, «иконографической», теории генезиса повести, то она совершенно фантастична.

Чтобы не быть голословным приведу ее в изложении автора.

Опираясь на цитату из повести: «повелѣ иконописцемъ написати вапы на стѣнѣ, виденіе повѣдающе о братѣ Щилѣ во адовѣ днѣ», которая якобы доказывает существование в Щиловом монастыре «фресок» (?) с изображением Щила в аду, автор полагает, что эти фрески «и послужили основанием для зарождения легенды» (sic!) (с. 105).

Отметим, что автор счтает «повесть» «произведением народной фантазии», ценность которого, как исторического источника, сомнительна (см. подлинные слова автора на с. 102: «на повесть мы ссылаться не можем, так как историчность ее... еще требует доказательства»).

Читаем дальше: «... Известно, что ростовщичество было большим социальным злом Великого Новгорода. Богатые капиталисты держали в своих руках массу горожан, которые, само собой разумеется, сильно страдали от такого порядка вещей. И вот, как нравственное воздействие на греховных издоимцев, в Щиловом храме Покрова на видном месте должно (??) было красоваться «настѣнное писаніе», где изображался человек, мучимый в аду за ростовщичество. Изображения грешников и адских их мучений встречались часто, но обыкновенно, если дело шло вообще о грешниках, то изображались группы грешников и соответствующие их грехам наказания... В данном случае был (?) изображен не сонм грешников, а лишь один человек «во адовѣ днѣ» в наказание за грех, от которого страдали очень многие» (с. 105).

«... На картине изображался (?) богатый человек в богатой одежде, — и народное представление не могло причислить его иначе, как к самому высшему сословию, к боярам, и окрестило посадником» (с. 105).

«... Создав живую личность, народ назвал ее именем Щила. Почему? Возможно, что существовал какой-нибудь ростовщик Щил, имя это было довольно распространено в Новгороде в XIV и XV в., но гораздо более вероятно, что самое местонахождение картины дало (?) повод отнести изображенное на ней лицо к личности основателя храма. Это было тем легче (?), что об основателе, кроме его прозвища «Щил» никто ничего не знал» (??) (с. 106).